

А. И.
КУПРИН

Избранное

Юг благословенный

Александр Куприн

«Фаворитка»

«Public Domain»

1927

Куприн А. И.

«Фаворитка» / А. И. Куприн — «Public Domain», 1927 — (Юг благословенный)

«В одном, лишь в одном отношении я считал себя счастливым и баловнем судьбы. В какой бы город или городишко меня ни забрасывал случай – везде меня ждали: либо новое зрелище, либо занимательная встреча, которые связывали накрепко мою память с местом. Поэтому с некоторой обидой я уже думал о том, что город Ош останется навсегда в моих воспоминаниях пустым, плоским и скучным промежутком...»

© Куприн А. И., 1927

© Public Domain, 1927

Содержание

Александр Иванович Куприн «Фаворитка»

В одном, лишь в одном отношении я считал себя счастливым и баловнем судьбы. В какой бы город или городишко меня ни забрасывал случай – везде меня ждали: либо новое зрелище, либо занимательная встреча, которые связывали накрепко мою память с местом. Поэтому с некоторой обидой я уже думал о том, что город Ош останется навсегда в моих воспоминаниях пустым, плоским и скучным промежутком.

Но все-таки и на этот раз привычная удача не обманула меня. Правда, – под самый конец, под занавес.

Однажды утром на площади «Гусиной лапы» появились большие красные афиши. В них извещалось, что такого-то числа (дней через десять) будет поставлена на улице Оша, под открытым небом, комическая опера «Фаворитка», сочинения Доницетти. Участвуют такие-то артисты и артистки: из «Гэтэ Лирик» в Париже, из Тулузского Капитолия и благородный бас (*basse noble*) из Марсели господин Казабон. Хормейстер и дирижер такой-то. Билеты по пятнадцати, десяти и пяти франков, променуар¹ три франка. Начало в восемь часов тридцать минут вечера.

Я всегда любил представления на свежем воздухе. Одно из них – «Кармен», – виденное и слышанное мною тринадцать лет назад в городе Фрежюсе, в развалинах древней римской арены, с участием великой Сесиль Кеттен, – до сих пор еще живет в моей душе во всей его незабвенной прелести, торжественной простоте и необычайной силе.

Ждать спектакля пришлось много дней. Я несколько раз заходил на улицу Гоша. Она коротенькая, но широкая. Тротуары отделены от мостовой двумя рядами старых, мощных, развесистых платанов. В конце этой аллеи – высокий квадратный помост. Он прочен, выкрашен голубоватой масляной краской и, очевидно, выстроен для постоянного пользования. Даже утром, в день спектакля, я не заметил около него никаких приготовлений, кроме наружной будочки-кассы с надписью «*pelouse 2 fr.*»² (очевидно, ее взяли напрокат со скачек) да двух принесенных бревен, на которых сидели два блузника и флегматично курили. Такое равнодушие к близкому представлению меня чуть-чуть смутило, тем более что старожилы, – а они всегда скептики, – уверяли меня:

– Не беспокойтесь. Если даже не будет дождя, то все равно спектакль может не состояться по сотне внутренних причин. Такие примеры бывали. И даже за пять минут до начала.

Тем не менее к определенному сроку (уже смеркалось) я купил в деревянной будочке билет и проскользнул в щелочку забора, только что поставленного поперек улицы. Другой забор огораживал зрительный зал с другого конца.

Было пусто. Во всем мире провинциальная публика неаккуратна: появляться первыми в театр, концерт или на бал – неприлично: «Еще подумают – что для нас это в диковинку!»

Занавеса не было вовсе. Вдоль трех сторон сцены стояли пальмы в кадках и какие-то большие разлапые цветущие растения. Позади их – полускрытые электрические лампы; еще сзади, как фон, повисли разноцветные флаги: английские, американские, испанские, итальянские и, на первом месте, французские, вокруг букв R. F. Над зрительным залом на высоком столбе матово сиял электрический фонарь.

¹ Места для стояния в зрительном зале вокруг партера (*фр.*).

² «Лужайка 2 фр.» – наиболее дешевые места на скачках (*фр.*).

Публика собиралась вяло. Вышел на сцену какой-то серенький человек и утвердил в правом углу среди кустов деревянный голубой крест. Я сразу догадался: первый акт происходит на кладбище или около церкви... Потом оказалось – в монастырском саду.

Застучали за кулисами палкой. Пришел оркестр: пять человек, не считая пианистки и дирижера. Еще раз застучали. Дирижер, лысый, с длинной седой бородой, ветхозаветный старик, взмахнул палочкой – и началась увертюра, а затем гуськом прошел хор монахов.

Ну, что сказать о содержании пьесы? Монах Фердинанд влюбился в фаворитку короля Альфонса. Она – в него. Монах покинул монастырь. Королю подали перехваченное письмо. Вот и все. Трагической развязки я так и не узнал из-за множества купюр.

Конечно, я видал спектакли и похуже. Как и всюду, хористы (четыре человека) знали только один классический жест – жест остолбенелого изумления: тело откинута назад, правая рука вытянута вперед и вбок, к соседу, с растопыренными пальцами, глаза вытаращены. Хористки (три) стояли безучастно, с руками, сплетенными ниже живота. У благородного баса в голосе остались всего две дребезжащие ноты. У короля-баритона часто выскакивали петухи. Тенор козлил и становился на цыпочки, атакуя конечное фермато. Примадонна на высоких нотах делала рот вроде удлиненного О, внизу немного свороченного набок. Но все это так уже положено с первоначальных дней оперы...

И все-таки... все-таки музыка Доницетти, – старая, условная, наивная музыка, – мила, проста и чиста, как свежая родниковая вода, вкус которой мы уже позабыли, объевшись и опившись пряными кушаньями и напитками. Все-таки оркестр и хор делали свое дело старательно и очень музыкально. Все-таки артисты увлекались и увлекали публику. И дай бог всякому артисту, особенно начинающему, такую простосердечную, горячую и снисходительную публику. Каждую арию она встречала чудесными, искренними аплодисментами, на ошибки только смеялась добродушно, по-семейному, а в особенно музыкальных местах простодушно и не без вкуса подпевала хору.

А в самом конце четвертого акта меня ожидала минута редкой красоты и радости.

Фаворитка на сцене одна, в белом платье.

Жалуется она на свою печальную судьбу. Страшен гнев короля, страшно за любимого и еще страшнее и горше расстаться с любовью. Нежным пианиссимо, тихими вздохами ей аккомпанирует оркестрик, и бережно, сочувственно вторит ей в терциях задумчивая, покорная валторна... Я поднял голову кверху. Рядом с электрическим сияющим шаром стоит такой же величины, как и он, полная луна. Цикады во всем Оше и окрестностях заливаются своим неумолкаемым, сухим, серебряным звоном; ароматом свежего сена наполнен воздух.

Две большие ночные бабочки налетели на фонарь и бьются об него, бросая огромные, порхающие тени на головы зрителей, И вдруг начали свой сиплый, густой музыкальный бой трехсотлетние кафедральные часы. И вот оркестр, и цикады, и бегающие трепетные тени, и древний звук часов, и запах сена, и две луны в небе – все это слилось в такую нежную, прелестную гармонию, что сердце сжалось в сладком, сладком, невыразимом восторге. Ах, стоит жить из-за таких вот двух-трех секундочек, изредка и случайно выпадающих на нашу долю!